

Салман Рушди копнул глубоко

«Дети полуночи» впервые на русском

Роман Салмана Рушди «Дети полуночи», написанный в 1981 году, принесший писателю мировую славу, признанный в 1993-м лучшим романом — лауреатом Букера за 25 лет, впервые вышел в русском переводе.

Николай Александров

Вне всякого сомнения, явление этого романа перед российской публикой — событие. И не только потому, что приговоренный аятоллой Хомейни к смертной казни, скрывающийся сначала в Англии, а потом в Америке Салман Рушди на протяжении многих лет в центре внимания мировой, в том числе и российской, общественности. Политика, конечно, сыграла свою роль, но в данном случае ею можно пренебречь.

Гораздо важнее другое. Автор «Сатанинских стихов» (кстати, подавляющее большинство российской публики до сих пор не догадывается, что «Сатанинские стихи» это роман) — одно из самых значительных имен в современной мировой литературе. А «Дети полуночи» — уже признанный шедевр. По масштабу, по эпическому размаху, по письму, по писательскому почерку, по неторопливой солидности, по продуманности описаний, по внимательному отношению к каждой детали, по органичности художественного мира, по тому особому дыханию, ритму, строю, которые отличают лишь истинно значительное произведение искусства, «Дети полуночи» можно поставить в один ряд с «Улиссом» или «Человеком без свойств».

История индусской семьи, семейная хроника XX века, полнометражная картина богатой и фактурной жизни постепенно раскрывается перед читателем и захватывает сразу же. Рушди

нельзя читать быстро, нельзя пробегать глазами. Он настраивает на неторопливый лад намеренными замедлениями повествования, подчеркнутым указанием на неслучайность рассказа, на значимость каждого слова, каждого мимолетного замечания.

Рушди стайер, марафонец. Он может позволить себе взять паузу, остановиться. Едва сделав несколько шагов, едва познакомив читателя со своим героем (дедом повествователя — Рушди глубоко копает!), он вдруг отставляет все в сторону, прерывает течение рассказа и пишет о носе (!) героя: «Вот он, нос моего деда: ноздри раздуваются, изгибаются будто в танце. Между ними возносится триумфальная арка, сперва выдвигается вперед, затем резко скручивается к верхней губе великолепным, чуть покрасневшим кончиком. Таким носом несложно стукнуться о кочку. Не премину засвидетельствовать мою благодарность этому могучему органу, если б не он, кто бы поверил, что я — родной сын моей матери, внук моего деда. Только благодаря этому колоссальному органу мог я претендовать на право первородства.

Нос доктора Азиза, сравнимый лишь с хоботом слонноголового Ганеши, неоспоримо свидетельствовал о том, что быть ему патриархом».

И так далее. Казалось бы, нас ли возможно удивить носом, мы ли не знали носов с нашей богатой «носовой» мифологией, идущей еще от Гоголя. Однако даже у Николая Васильевича нет такого эпического размаха, нет такой онтологической мощи, такой убедительности. И смею вас уверить, если такой нос появляется на первых страницах романа — это неспроста. Это означает, что он будет напоминать о себе постоянно, будет определять нарративную стратегию, будет доминантой и краеугольным камнем.

Так оно и случается, между прочим. Рушди просто и властно укрощает читателя, подчиняет его своей повествовательной стихии, исподволь настраивает на серьезность (серьезности — политической, религиозной, социальной, национальной — в романе предостаточно), опутывает сетями слов, синтаксическими нитями. И это сладкий плен, смею вас уверить.

Салман Рушди. Дети полуночи. СПб.: Лимбус пресс, 2006. — 760 с.

СЕНСАЦИЯ

Известия - 2005 - 14 фев. с. 74

74 12 05
Рушди Салман